

Си Кунчэнь явно сгорал от любопытства — и некоторой досады. Его до крайности занимало, с какой стати этот спасенный тип вырядился в женское платье и почему его угораздило приплыть именно к их лодке. Едва лодочник доложил, что пришелец очнулся, он загорелся желанием устроить расспросы. Он велел Ван Шо, который как раз соизволил выйти из своей каюты подышать воздухом, разыскать Бай По, чтобы поговорить с бедолагой вместе. Тот лишь молча кивнул и направился к комнате Бай По, не обращая внимания на летящий ему в спину задумчивый взгляд Си Кунчэня, подпиравшего подбородок ладонью.

Подойдя к каюте Бай По, Ван Шо уже занес руку для стука, но заметил, что дверь не заперта, а лишь приоткрыта. Он толкнул её и вошел.

Услышав скрип, Бай По обернулся. Увидев на пороге Ван Шо, он опешил. Глиняная пиала, которую он лениво вертел в пальцах, выскользнула и с глухим стуком покатилась по дощатому полу.

Ван Шо беззвучно улыбнулся. Он подошел к закатившейся пиале, неторопливо наклонился, поднял её и протянул застывшему юноше.

— Что такое? Неужели боишься меня?

Бай По всё так же растерянно смотрел на него. Он выглядел глуповато-опешившим, но уступить в словесной пикировке он не собирался.

— С какой стати мне тебя бояться?

— Вот как, — мягкий, ровный голос Ван Шо прозвучал чуточку отстраненно.

Он сел напротив Бай По и замолчал.

После того случая, когда Бай По ударил его ладонью в грудь так, что тот закашлялся кровью, они не виделись. На душе у юноши теперь было беспокойно. Он робко покосился на черную фигуру напротив. Ван Шо казался бесстрастным, на нем не было и следа обычной теплоты. Почувствовав на себе взгляд, мужчина повернул голову, и Бай По тут же поспешно опустил глаза, уставившись в пол.

Глядя на эту немую сцену — на Бай По, который сейчас донельзя походил на напроказившего ребенка, ожидающего нахлобучки, — Ван Шо ощутил, как в груди разливается странное тепло. И всё же нарушать молчание он не спешил.

Наконец изголодавшаяся по звукам тишина взорвалась неловким, приглушенным вопросом:

— Ты... ну, то есть... тебе уже лучше?

Ван Шо взял со стола ту самую пиалу и принялся медленно вращать её в ладонях.

— Бай По, пусть это будет в последний раз. Иначе я действительно разозлюсь.

Юноша изумленно вскинул голову и уставился на Ван Шо в упор.

"Что за чушь? Это мне вообще-то полагалось злиться! Насильно целовать меня никто не просил, так за что извиняться? Получил ладонью в грудь — и поделом... Хотя..."

"Ладно, признаться, я тогда и впрямь слегка переборщил. Не буду спорить. Мои дела в Срединной равнине еще не закончены, ссориться с ним сейчас совсем не с руки. Великие цели требуют уступок"

Он промолчал, решив не пускаться в оправдания.

Заметив его смирение, Ван Шо наконец мягко улыбнулся.

— Идем. Си Кунчэнь зовет нас к себе. Хочет вместе расспросить того спасенного бедолагу.

Бай По покорно поплелся следом за Ван Шо. По пути он то и дело косился на широкую спину идущего впереди мужчины.

"И это всё? Мы так просто помирились?"

"С каких это пор я вообще ищу чьего-то прощения? Срединная равнина меня окончательно разнежила"

Цзян И был уверен, что его земной путь окончен. В самый отчаянный, переломный момент последние уцелевшие телохранители бросились на врагов, выигрывая для него драгоценные мгновения. А затем преданная служанка, бывшая рядом, заставила его переодеться в её платье, сама же натянула его мужские одежды и бросилась бежать в противоположную сторону, уводя погоню.

Он бежал сломя голову, спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь, а по его щекам непрерывно катились слезы. Семья Цзян всегда была знатным и уважаемым родом. Несколько поколений их предков держали охранное дело. Безупречная репутация и честность, ковавшиеся десятилетиями, принесли свои плоды: к тому времени, как дело перешло к его отцу, их охранное агентство «Доблестное Процветание» стало одним из самых известных на всей Срединной равнине.

Хотя главная усадьба агентства располагалась в Великой Чжоу, его представительства процветали и в сопредельных государствах, пользуясь там немалым почётом. Цзян И с ранних лет обучался боевым искусствам. Он всегда полагал, что его жизнь сложится точь-в-точь как у отца: он унаследует семейное дело, продолжит славный род Цзян и будет вести дела честно. Богатство их семьи было внушительным, и они не скупились на милостыню и благие дела. В кругах боевых искусств Срединной равнины у них было множество союзников среди праведных орденов и школ. Впрочем, специфика их ремесла обязывала вести дела и с сомнительным людом, балансируя на грани света и тени.

Иными словами, Цзян И приходилось быть гибким и дальновидным. И тем не менее, над их благополучным домом внезапно разразилась катастрофа — их род вырезали подчистую. Вспомнив, как последний месяц он, точно шелудивый пес, метался по свету, спасаясь от безжалостных убийц, и как в ту кошмарную ночь погибли сотни невинных душ его близких, Цзян И почувствовал, как ярость и горечь застилают ему взор кровавой пеленой.

Си Кунчэнь сидел в полумраке каюты. Складной веер, которым он небрежно обмахивался, замер в его руке.

— Значит, ты и есть тот самый старший сын семьи Цзян, единственный, кому удалось выжить в той бойне?

Даже столь чудовищная трагедия не вывела его из равновесия — он слушал юношу с привычным, едва уловимым равнодушием. Услышав этот вопрос, Цзян И внезапно скатился с постели прямо на пол и принялся неистово бить поклоны, так что стук его лба о доски разносился по всей каюте.

— Благодарю вас, благодетель, за спасение моей никчемной жизни! У меня есть к вам нижайшая, дерзкая просьба... Молю, помогите мне добраться до Ваньчэна! Клянусь, до конца дней своих я буду служить вам верой и правдой, буду вашим верным псом и рабом, лишь бы отплатить за это благодеяние!

Си Кунчэнь медленно захлопнул веер. Он перестал улыбаться. Похоже, он глубоко задумался. Весть об этой резне, случившейся больше месяца назад, дошла и до него. Главная усадьба охранного агентства «Доблестное Процветание» была залита кровью за одну ночь. Более двухсот человек нашли там свою смерть, пощады не было никому. Самого главу агентства и всех женщин из внутреннего двора зарезали прямо в их спальнях. Кровь буквально залила поместье Цзян, заставив содрогнуться от ужаса и местных чиновников, и явившихся на место трагедии мастеров боевых искусств.

Бай По и Ван Шо, разумеется, об этом кошмаре слухом не слыхивали. Всё это время они спасались бегством из Южной столицы и были слишком заняты собственной шкуркой, чтобы прислушиваться к слухам. Теперь, узнав о трагедии, оба отреагировали по-разному: Бай По сохранял полное безучастие, тогда как Ван Шо проявил живой интерес.

Цзян И так и лежал ниц, не смея подняться. Идти ему было некуда. Даже после того, как он

чудом вырвался из усадьбы, убийцы висели у него на хвосте. В конце концов его загнали к самому Великому каналу, и если бы перед тем, как окончательно лишиться сил в ледяной воде, он не уцепился за обломки дерева, то давно кормил бы рыб.

Очнувшись на чужом судне, он поначалу испугался, решив, что попал в руки врагов. Лишь расспросив выхаживавшего его лодочника, беглец понял, что обязан жизнью случайным спасителям. Увидев Си Кунчэня, Бай По и Ван Шо, он решился раскрыть им правду. Слишком много кривотолков и зловещих слухов ходило сейчас в мире боевых искусств вокруг гибели его семьи.

В поднебесном мире чтили неписанные законы. Полное истребление чужого рода считалось делом подлым, бесчестным и вызвало искреннее омерзение у любого мастера. В конце концов, у каждого бродяги были близкие и друзья, и подобная жестокость пугала всех. К тому же семья Цзян водила дружбу и с праведниками, и с разбойниками, славилась щедростью и не раз укрывала беглецов. Цзян И рассчитывал, что старые долги и благородство заставят его спасителей протянуть ему руку помощи. На это он и сделал свою ставку.

Си Кунчэнь прикидывал выгоду в уме. Слегка поколебавшись, он, похоже, пришел к какому-то решению.

— Поднимитесь, брат Цзян. Я глубоко соболезную вашему великому горю. Слухи об уничтожении вашего почтенного рода дошли до меня еще месяц назад, но я и подумать не мог, что судьба сведет меня с выжившим наследником этого славного имени.

С этими словами он указал на Ван Шо и Бай По, представив каждого по имени. Си Кунчэнь не собирался в одиночку тащить этот груз — спасение обреченного сулило слишком много хлопот и опасностей, и делить возможные неприятности стоило на троих. Цзян И почтительно кивнул, запоминая имена, и с надеждой уставился на Си Кунчэня.

Си Кунчэнь покосился на безучастно сидевших Ван Шо и Бай По. Немного подумав, он продолжил:

— Брат Цзян, обрушившееся на вас горе безмерно, однако...

Заметив его колебания, Цзян И поспешил перебить собеседника:

— Господин Си, вы спасли мою жизнь, а значит, стали благодетелем для всей уцелевшей души рода Цзян. Даже если вы не решитесь везти меня в Ваньчэн, я до самой гробовой доски буду благодарен вам за то, что вытащили меня из воды. Посему прошу, говорите прямо, без утайки.

Си Кунчэнь одобрительно кивнул. Этот парень, несмотря на то, что потерял всё и едва выкарабкался с того света, держался с завидным достоинством и почтением — несомненно, редкая порода. Мужчина с тихим щелчком раскрыл веер и мягко улыбнулся:

— В таком случае, брат Цзян, расскажите нам без утайки: за что ваш род постигла столь страшная кара? Нам необходимо знать правду, чтобы со спокойной душой везти вас в Ваньчэн.

<http://bllate.org/book/18409/1823024>